

ЗВЕЗДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

1

«Раскройте летописи всех времен и земель и покажите историю, которая превосходила бы или только равнялась бы с русской. Она бесконечно пространна по множеству народов, составляющих историческое тело России, чрезвычайно важна по непосредственному влиянию на прочую историю европейскую и азиатскую и очень верна по богатству в достоверных исторических памятниках» (Шлецер, «Proben der russischen Annalen»).

Эти слова замечательного ученого XVIII века, Шлецера, характеризуют первое впечатление в Западной Европе от русской летописи.

«Смотри, чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, букву в букву», — писал Пушкин в «Заметках при чтении Нестора Шлецера», подчеркивая бережное отношение Шлецера к летописному материалу, ценность летописных записей самих по себе.

Высокая оценка, которую получила русская летопись в среде европейских ученых, неудивительна. Европейские средневековые хроники, одновременные созданию первых русских летописных сводов XI—XII веков, не отличаются достоверностью приводимых ими сведений, обильно вводят в свой состав легендарный и анекдотический материал, разными повествовательными, риторическими приемами часто нивелируют исторические события, подводя их под определенные шаблоны. Не редкость, когда западноевропейские хроники давали, например, вместо современного им деления Франции то, которое сообщает Юлий Цезарь в своих комментариях к галльской войне, или схоластически делили историю на четыре периода соответственно четырем стихиям, четырем добродетелям и четырем евангелиям. Хроникеры переписывали из классических историков целые страницы для изображения современных им событий, в ущерб истине стилизовали свое изложение под Саллюстия или Светония, заменяли современные им названия должностей классическими, увлекаясь риторической декламацией или стремясь блеснуть удачной богословской цитатой, забывали о цели своего повествования. Чуждая народу средневековая латынь ограничивала общественный резонанс западноевропейских хроник, делала

их достоянием узкого круга монастырских читателей.

Особое место в ряду европейских средневековых хроник принадлежит летописи русской. Русская летопись составлялась на понятном народу русском языке, лишь в малой степени впитавшем в себя славянизмы церковной книжной речи,¹ и без риторических прикрас, ослабляющих впечатление от исторических событий, донесла до нас многие страницы русской истории. По обилию, полноте и разнообразию материала, по той систематичности, с которой велись по городам летописные записи, русская летопись не знает себе равных в Европе. Летопись — зеркало русской истории. На протяжении более чем полутысячелетия, почти без перерывов, летопись записала сложные перипетии русской истории, лаконично, с подлинно-художественным тактом передала нам многие героические события в народной жизни: оборону степных границ, борьбу с татарами и поляками, со сдержанной лиричностью рассказала о жестоком разорении русской земли в пору княжеских междоусобий, передала нам многие черты народного быта, наконец сохранила в своем составе ряд замечательнейших литературных произведений: «Поучение Владимира Мономаха», рассказ о степной траве «евшан», повести о Батыевом разорении, сказания об Александре Невском, псковском князе Довмонте-Тимофее и мн. др.

По объему заключенных в ней сведений летопись была своеобразной энциклопедией светских средневековых знаний. Размах ее грандиозен. Почти каждый город и каждая область вели свою летопись. Сотни списков этих летописей дошли до нас в различной сохранности и в различных редакциях; многие из них рассеяны по крупнейшим библиотекам Западной Европы.

Не только по количеству записанного материала, по его систематичности и полноте, но и по простоте, точности и добросовестности в передаче событий, русские летописи представляют рази-

¹ «... Летописный язык, господствующий от начала и до конца во всех списках, — язык простой, деловой, больше всего дьячий и меньше всего церковничий» (Забелин, «История русской жизни с древнейших времен». М., 1876, т. I, стр. 498).

тельный контраст с баснословием западноевропейских хроник. В круг исторической пытливости летописца включаются памятники материальной культуры прошлого, фольклор, данные языка, летописные записи его предшественников, документы и рассказы очевидцев. С добросовестностью исследователя, летописец вводит в свой рассказ указания на могилы-курганы и руины, сохранившиеся со времен, о которых идет в летописи речь, излагает устные предания, ссылается на поговорки и поговорки, имеющие историческое происхождение, приводит тексты договоров с Византией, точно указывает, от кого слышал он то или иное известие. Так, например, под 1106 годом летописец записал о смерти старца Яня, у которого он «много слышал», а под 1096 годом упоминает новгородца Гюрюту Роговича, сообщившего ему два интереснейших рассказа о северных странах.

Летописец, приведший рассказ о битве Александра Невского со шведами, прибавляет: «Си же вся слышах от господина своего великого князя Александра и инех, иже в то время обреташася в той сечи». Летописец упоминает о сохранившихся до его времени от княгини Ольги «повостах», «ловищах», селе «Ольжичи» и т. д. Он знает о саях Ольги, стоящих в Плескове «и до сего дне», рассказывает о могиле Игоря «у Искоростеня-града в Деревях» и о могиле Олега Святославича «у града Вручева». Летописец критически относится к преданиям и по мере сил стремится взвесить их правоту: говоря о легендарном основателе Киева — Кие, летописец замечает: «Ини же не сведуще рекоша, яко Кий есть перевозник», «аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду».

Бережно сводя и исправляя данные своих источников, летописец пользуется случаем, чтобы обратить внимание своих читателей на то или иное явление современной ему жизни. Голод в осажденной Родне позволяет ему объяснить поговорку «беда, аки в Родне»; рассказывая о внезапном исчезновении обрив, летописец упоминает пословицу «погибоша, аки обри» и т. д. Летописец разъясняет своему читателю происхождение названий тех или иных городов (напр., «Переяславля», «Турова») и племен: древляне назывались так, «зانه седоша в лесах», полочане прозвались по имени речки «Полоты» и т. д.

Замечательны та простота и наглядность, с которыми летописец поясняет расположение древних городов, места описываемых им событий: «Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордяти и Никифоров, а двор князь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града...» и т. д. Летописец как бы запросто беседует со своим читателем, напоминает ему о том, что он и сам может знать, будит его любознательность, сообщает ему попутно сведения географические, этнографические, бытовые и др.

«Летописец является разумным писателем, — говорит А. Н. Пыпин, — когда старается внести в свой труд известную критику, разбирает степень достоверности преданий, сопоставляет свои сведения с греческим летописанием, сличает хронологию, сообщает исторические документы и т. п.» («История русской литературы», т. I, стр. 276).

Сводя и переписывая летописные известия из

своих источников, летописец в полной мере осознает документальную ценность тех материалов, которыми он обладает. Лишь в редких случаях он дополняет или сокращает имеющиеся у него под рукой записи. От этого даже позднейшие летописные сборники, по многу раз переписывавшиеся летописцами, сохраняют в своем составе древнейшие статьи почти в неизменном виде. От этого же средневековое в своей основе мировоззрение летописца не исказило и не обесценило заключенные в летописных записях подлинные исторические события.

Совокупность всех этих данных составляет замечательную особенность русского летописания. Конечно, подход летописца к своему материалу несравним с методами историков XVIII—XX веков. Подход этот ограничен своим временем. В частности, древнерусскую летопись проникло немало типично-средневекового легендарного материала, главным образом в изображение периода, предшествующего началу русского летописания. Однако никогда летописец не допускает в своей работе сознательного искажения действительности или произвольного изменения фактов в записях предшественников. Уважение к исторической правде и диктуемая ею простота изложения, неоднократно подчеркивавшаяся Пушкиным, составляют основу «неизъяснимой прелести древней летописи» (Пушкин, «Однотомник» под ред. Б. Томашевского, 1936, «История русского народа», стр. 714).

Живое чувство истории, изменчивости мира и значительности совершаемого им дела органически присущи древнерусскому летописцу, черты которого гениально обобщены Пушкиным в образе летописца Пимена, в «правдивых сказаниях» записывающего для отдаленных потомков «земли родной минувшую судьбу».

2

Летописцы не были бесстрастными и безразличными наблюдателями; у каждого из них были свои местные политические антипатии и сочувствия, своя точка зрения на события и немалый политический темперамент. Наличие этих местных интересов сообщает летописям живость и движение, делает их зеркалом настроений, чувств и понятий своего времени. В старой филологической науке этим местным интересам летописцев придавалось преувеличенное значение. Это и понятно: по «ориентации» летописца судили о времени и месте написания летописи, устанавливали генеалогию летописных сводов. Однако удельный вес в летописях XI—начала XII века чисто-областных настроений сравнительно невелик. Местные и династические склонности и антипатии летописцев вступают в силу лишь с конца XII—XIV веков, в годы феодальных распрей, но при всем том летописец и этой поры не забывает о «Русской земле» в целом и нередко свои местные интересы понимает как интересы общерусские. В XII веке, в пору злейших княжеских междоусобий, Всеволод Суздальский, собираясь помочь южным княжествам против половцев, говорит «То ци тем отчива однем Русская земля, а нам не отчина ли?» Призыв «постеречи земле Русской», «за Русскую землю страдати» нередко раздается со страниц областных летописей второй половины XII века.

Летописцы — отнюдь не сторонники феодальных драк. Они принадлежали к тем «смысленным мужам», которые видели несчастье Русской земли в распрях князей, головой пробивавших себе дорогу к киевскому столу, и не раз обращались к князьям с призывом: «Почто вы распряimate межи собою, а погании (язычники) губять землю Русьскую» (1093). С похвалою отзывается летописец о князьях, умысливших «дерзнути на половце», и с сочувствием передает возражения Владимира Мономаха своей дружине, не хотевшей идти в поход на степь, чтобы не губить по весенней распутице лошадей крестьян (смердов):

«Дивно ми, дружино,—говорит им Владимир,— оже лошадей жалуете, ею же кто ореть (пашет); а сего чему не промыслите, оже то начеть орати смерд, и приехав половчин ударить стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его став иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?»

В полных трагизма и скорби словах повествует летопись о хищных набегах половцев, разорявших страну, толпами уводивших в рабство население сел и городов. Печальные, с осунувшимися и потемневшими лицами, с ногами в путях, гонимые «незнаемою странною», мучимые жаждою и голодом, пленники со слезами говорили друг другу: «Аз бех сего города», а другие: «зя сея вси» (села).

3

Бесспорно один из лучших памятников русского летописания «Повесть временных лет» вся проникнута единою мыслью летописца о Русской земле, о необходимости единения перед лицом внешней опасности.

В предшествующий созданию «Повести» период, на рубеже XI и XII веков, Киевская Русь испытывает на себе наиболее тяжкие удары кочевников, ставшие жесточайшим народным бедствием. Половцы делают отчаянную попытку прорвать оборонительную линию земляных валов, которыми Русь огородила свои степные границы, и осесть в пределах Киевского государства. В 1096 году половецкий хан Боняк чуть не ворвался в Киев, ограбил и разорил Печерский монастырь, когда монахи спали по кельям. Теснимая с севера половцами и печенегам, подступившими под самый Константинополь, а с моря — турецким флотом с Чахой во главе, союзная Киеву Византия была бессильна предотвратить грозившую ей гибель.

К этому тяжелому периоду русской истории относится подъем в Киевской Руси национального сознания, консолидируются силы, стремящиеся к решительному нажиму на степь. Подъем этот совпадает с национальным движением в Испании против господства мавров и с общим движением в Европе на Восток в отпор наступающим туркам, прервавшим европейскую торговлю с Азией. Империя Рюриковичей, составлявшая левый фланг европейской обороны против напора кочевых и полукочевых народов, полукольцом охвативших Европу, объединяется под властью Владимира Мономаха и переходит от пассивной оборонительной политики к активному наступлению на степь. Степные походы Мономаха сбивают вол-

ну половецких набегов и спасают от гибели Византию.

Именно в это время составляется замечательный памятник русского летописания «Повесть временных лет».

Программа летописца, его задачи точно сформулированы в самом названии «Повести»: «Се повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача перве княжити и откуда Русская земля стала есть». Показать Русскую землю в ряду других европейских стран, доказать, что русский народ имеет свою историю, которой вправе гордиться, — такова замечательная по своему времени цель, которую поставил себе составитель «Повести». «Повесть временных лет» должна была выразить национальное самосознание русского народа, напомнить русским князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задачи эти выполнены летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широкий замысел сообщил спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом.

Начало «Повести временных лет» посвящено событиям всемирной истории, предшествовавшим сложению Киевского государства. Летописец вводит Русь на мировую историческую арену, сообщая самые разнообразные сведения: географические, этнографические, культурно-исторические. Неторопливо раскрывает летописец ту историческую обстановку, в которой родилось Русское государство, рассказывает сперва о народах мира, затем о древнейших судьбах славянского племени и «словенского» языка. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, с замечательной последовательностью начиная свое описание с пути из варяг в греки и с водораздела рек Днепра, Западной Двины, Волги.

В широкой степени пользуется он преданием, рассказами старожил, документами — международными договорами Руси, византийскими хрониками, использует летописные записи и своды своих предшественников, областные летописи — новгородскую, полоцкую и др.

Обилие отразившихся в «Повести временных лет» произведений устного творчества позволило Буслаеву назвать ее «довольно полным обзором древнерусского народного эпоса». С былинами «Киевского цикла» роднит «Повесть временных лет» не только общий им всем образ «ласкового» князя Владимира, пиролобца, ставившего киевлянам по «300 провар» меду и исковавшего своей дружине серебряные ложки, но и основная общая им тема — оборона Русской земли от кочевников. Так же как и былины, летопись воспеваает богатырство, силу, доблесть и ратные подвиги русских воинов. Поединщики-богатыри побылинному решают в летописи исход войны единборством перед войсками. Записанный летописью и отмеченный в «Слове о полку Игореве» поединок Мстислава Удалого с черкесом Редедю дошел до нас в фольклоре черкесов-адыгэ. Один из таких подвигов былинного характера отразился в летописном рассказе о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем на реке Трубеж: «на броне, кде ныне Переяславль».

Летопись рассказывает, как вызванные на еди-

ноборство русские тщетно искали поединщика, который смог бы противостать печенежскому богатырю, как затем начал «тужить» Владимир Киевский «сля по всем воем», и как, наконец, объявился «стар мужь» и сказал Владимиру: «Князь, есть у меня один сын — меньшей — дома; с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался; из детства никто еще не ударил им: однажды я его журил, а он мял кожу; так в сердцах он разорвал ее руками». Услышав это, князь Владимир обрадовался и послал за младшим сыном старика, кожемякой. Приведенный к князю, неказистый на вид, юноша просит предварительно испытать его: «Нет ли быка велика и сильна?» «И налезша бык велик и силен, — рассказывает летописец, — и повеле раздраждити быка; возложиша на нь железа горяча, и быка пустиша, и побеже бык мимо ѱ, и похвати быка рукою за бок, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая», и рече ему Владимир: «Можешь ся с ним бороти».

На следующее утро печенеги снова начали посылать охотника с русской стороны: «Где же ваш боец? А наш готов» и выпустили своего превеликого и страшного богатыря. И выступил, — рассказывает дальше летопись, — муж Владимира. Увидел его печенежин и посмеялся, потому что тот был среднего роста. Полки размерили место для поединка, и богатыри сошлись. Юноша-кожемяка так сильно сжал печенежина руками, что удавил его и ударил им о землю. Раздался крик в полках, и устрешенные печенеги бежали. Обрадованный Владимир заложил на месте поединка город, а скромного кожемяку сделал «великим мужем».

В этом рассказе «Повести временных лет» впервые отразилась ставшая затем излюбленным мотивом русской литературы вплоть до наших дней мысль о скромности настоящего героизма, о силе народного духа в незаметных внешне героях. Не-высокий ростом ремесленник, пятый сын своего отца, которого даже не берут в поход, побеждает превеликого и страшного богатыря печенежина, против которого не решался выйти никто из профессионалов-воинов.

Ратную доблесть и неутомимость в походах больше всего ценит летописец в первых русских князьях. Характеризуя Святослава, летописец отмечает его суровый образ жизни, предприимчивость, подвижность и рыцарское прямодушие, с которым он предупреждал о себе врагов: «Хочю на вы ити».

«Легько ходя, аки пардус (леопард), войны многи творяше, — говорит о нем летописец. — Ходя воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но по тонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину, на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подьклад постлав и седло в головах; также и прочии вои его вси бяху».

В этой характеристике бесстрашного и неутомимого Святослава летописец согласуется с теми требованиями, которые предъявлял к воину современник составителя «Повести временных лет» Владимир Мономах в своем «Поучении»:

«На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше, около вои тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себя в борзе, не разглядавшя лещами, внезапно бо человек погыбаеть».

В этом своеобразном воинском уставе XI—XII веков выражена любимая мысль Мономаха: «Не ленитесь». Замечательные строки этого наставления воинам переписывались позднее вместе с «Повестью временных лет», помогая обороне Русского государства в тяжкие годы татарщины и натиска с Запада.

С особой любовью передает летописец краткие и энергичные обращения князей перед битвами к дружине. Не случайно приведены слова Василька: «Да любо налезу себе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю» или речь Святослава своей дружине перед обступившим ее вдесятеро сильнейшим врагом: «Да не посраим земле Руские, но ляжем костью, мертвыи бо срама не имам, аще ли пробегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами понду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою». Лаконичен ответ дружины: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». Суровость воина, презирающего «злата и паволоки», подчеркивает летописец в рассказе о греческом испытании Святослава оружием.

В летописи немало сочувственно переданных фактов о героизме народа, об его активном участии в обороне своей родины. В 1018 году Ярослав потерпел поражение от союзного Святополку польского короля Болеслава и, явившись в Новгород без дружины, пытался убежать за море. Народ рассек ладьи, в которых Ярослав собирался отплыть из Новгорода, и объявил ему: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Собрали деньги: «От мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен», образовали дружину и изгнали Болеслава из Киева. В 1068 году, когда половцы разбили на Альте соединенные силы Изяслава, Святослава и Всеволода, «людые Киевстии» сотворили вече и послали сказать затворившемуся в городе Изяславу: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними». Отказ Изяслава вызвал народное восстание, красочно и подробно описанное в летописи. В 1097 году киевляне упрекали князей: «Молимся, княже, тебе и братама твоими, не мозете погубити Русьские земли; аще бо възмете рать межю собою, поганин имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомъ, побарающе по Русьской земли, ины земли прискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую».

Летописец «Повести временных лет» со скорбью и осуждением описывает трагические перипетии междукняжеской борьбы своего времени. Именно эти феодальные распри князей, при которых «сеялась и росла усобица», составляют основное содержание «Повести временных лет», начиная с первой половины XI века. История этих столкновений дана то в междоусобных войнах, то в княжеских съездах, то в нарушениях князьями крепостных целований и т. д. Силой пробивая себе дорогу к киевскому княжению, князья наводили на Русь печенегов, половцев, польские войска, подсылали убийц, ослепляли друг друга и постоянно нарушали права наследования. В описаниях этих несчастий, при всей их правдивости и гочности, летописец следует в целом одной тенденции — идея изначального единства Русской земли ощутимо присутствует во всей работе летописца, к месту вставляющего слова упрека

князьям, умело подчеркивающего драматизм происходящих событий, иногда поднимаясь в своем простом и непосредственном рассказе до поэтической выразительности «Слова о полку Игореве».

Драматичен записанный очевидцем эпизод ослепления Василька Тербовольского родичами, князьями Святополком и Давидом Игоревичем. Рассказ этот заимствован в «Повести временных лет» из галицко-волинской летописи, ведшейся на территории нынешней Западной Украины. Подробно и неторопясь повествует летописец, как заманили Василька на именины, как упрасивали его остаться на праздник или хотя позавтракать. Позавтракать Василько согласился. Все трое сидели в избе. Давид молчал как немой, испуганный предстоящим. Святополк вышел, сказав Васильку и Давиду Игоревичу: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». Василько пытался разговаривать с Давидом, но у него не было ни языка ни ушей. Посидев немного, Давид спросил слуг: «Где брат Святополк?». Ему ответили: «Стоит в сенях». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». Но только что Давид вышел, как Василька заперли, заковали в двойные оковы и поставили сторожей на ночь. После различных переговоров, во время которых решалась судьба Василька, его перевезли на телеге из Киева в Белгород и бросили в «истобку малу». Оглядевшись, Василько увидел овчаря Святополка, «остряща нож». Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу. Василька свалили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили его ею, «яко персем трескотати». Кончив точить нож, овчарь Святополка подошел и ударил им в глаз Василька, но сначала промахнулся и порезал ему лицо, «И есть рана та на Васильке и ныне», — замечает по этому поводу летописец, точный в приведении всяких свидетельств. «Посемь же поверте ему нож в зеницю и изя зеницю, и посем в другое око, и изя другую зеницю». Ослепленного, едва живого Василька снова свалили на телегу и повезли во Владимир-Волинский.

Трогательн путешествие с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановясь для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье. Чистую сорочку попадьи с плачем стала надевать на бесчувственного Василька, думая, что он мертв. Василько очнулся от плача попадьи и спросил: «Кде се есмь?», а затем, попросив испить и ошупав сорочку, сказал: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богом».

«Сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцех наших, сякого зла», — сказал, ужаснувшись, Владимир Мономах при известии об ослеплении Василька и послал за Давидом и Олегом Святославичами сказать: «Пойдете к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створисе в Русьской земли и в нас, в брати, оже ввержен в ны нож; да аще сего не правим, то большее зло встанеть в нас, и начнет брат брата заколати, и погыбнет земля Руская, и врази наши, половци, пришедше, возмутъ землю Русьскую».

Возмущению моральной низостью современных летописцу русских князей, их раздорами составляет основную мысль летописи в описании феодального междоусобия второй половины XI века. Не было «сякого зла» в Русской земле, не такие были русские князья в прежние времена, не разоряли они населения поборами, обороняли Русскую землю, советовались во всем со своей дружиною, в ладях на холстинных парусах ходили на самую Византию, гнушались золотом и паволоками, любя одно оружие.

«Отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрствомъ, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую», — в этом обращении киевлян к русским князьям ключ к историческим воззрениям летописца «Повести временных лет» и предшествовавшего ей Начального свода на события своего времени. Есть и сейчас князья, подобные древнему Святославу, — это Владимир Мономах, его держитесь, — как бы хочет сказать летописец.

4

Не следует представлять себе всю вторую половину «Повести временных лет», политические устремления которой мы пытались показать выше, как однообразное сетование и морализирование по поводу княжеских усобиц. Летописец не чужд простых человеческих интересов своего времени: он отмечает высокое весеннее половодье на Днепре, предвещницу бед — хвостатую звезду на небе, приводит чудесные рассказы о северных полочных странах и т. д. Он не прочь посмеяться вместе с современниками описываемых им событий.

Юмор в высокой степени присущ русским летописям. Рассказывая легенду о пребывании на Руси апостола Андрея, летописец запросто заставляет его подивиться новгородскому банному обычаю: «како ся мыють и хвощются» (хлещутся) молодыми прутьями и обливаются «квасом усниным». «И того ся добють, едва слезут ле живы и облеются водою студеною и тако оживуть». «И то творять мовенье себе, — прибавляет Андрей, — а не мученье».

Летописец приводит насмешки русских над тучным польским королем Болеславом: «Прободем трескою чрево твое толстое». Вместе со своими современниками он смеется над радомичами, которые — «волча хвоста бегают», юмористически изображает страдания дьявола при крещении Руси, смеется над белозерскими язычниками, веровавшими, что люди произошли от веточки, которой бог на небесах мылся в бане, с чувством рассказывает о княгине Ольге, «переключавшей», (перехитрившей) византийского императора в самый момент своего крещения. Описывая поход Владимира и воеводы его Добрыни на болгар, летописец передает иронические слова, сказанные Добрыней, заметившим, что все болгаре ходят в сапогах: «Сии дани нам не даяти, поидем искати лапотников».

Юмор, присущий летописцу, теснейшим образом связан с наблюдательностью летописца, умением кратко и выразительно дать характеристику, живо передать диалог, в лицах рассказать историческое событие. Большой жизненностью отличаются, например, все диалоги княгини Ольги с пришедшими к ней послами от древлян, убивших му-

жа Ольги, Игоря. Особенно интересен первый из них, в котором Ольга, притворяясь приветливой, встречает древлянских послов словами: «Добри госте придоша», на что древляне простоудшно отвечают: «Приходом, княгиня». Кончается этот замечательный диалог, в котором от начала и до конца выдержан иронический тон Ольги и простоватый — древлян, вопросом Ольги к скинутым ею в яму послам: «Добра ли вы честь?» и ответом послов: «Пуше ны Игоревы смерти».

Умело пользуется летописец и пословичной речью: «Аще ся ввадить волк в овце, то выносите все стадо, аще не убьют его», «Толи не будет межю нами мира, оли камень начнет плавати, а хмель начнет тонуть».

Замечательна лаконическая образность речи летописца: «Не хотим Святополка, ни сына его; аще ли две главе имеет сын твой, то пошли и»; «И конем их не бе спеха в ногах»; «Събише угры (венгры) акы в мячь, яко се сокол галице сбивает»; «Реша дружина Игорева: ... еда кто весть, кто одолеет, мы ли, оне ли? ли с морем кто светен? се бо не по земли ходим, но по глубине морьстей; обьча смерть всем» и т. д.

Художественные достоинства летописи чрезвычайно разнообразны: они рассыпаны и в языке, и в стиле летописи, и в самом построении рассказа, и в умении выбрать характерное. Обилие литературных жанров, включаемых в летописные сборники, делает весьма многообразной и нешаблонной манеру изложения летописца:

«Здесь есть и византийские, и скандинавские легенды, и русские, есть исторические повести, есть повести бытовые... Летопись — сборник образцов не одного жанра, хотя преимущественный жанр летописи — историческая беллетристика» (ак. А. С. Орлов, «Древняя русская литература XI—XVI веков», М., 1937, стр. 105).

5

Начиная с середины XII века, все углубляющийся процесс феодализации вызывает усиленное развитие областного летописания. В этих областных летописях отлагаются местные черты и особенности, местные литературные манеры.

Немногие из областных летописей отличаются такими художественными достоинствами, как галицко-волинская, содержание которой преимущественно связано со сложной и запутанной историей борьбы феодалов на территории нынешней Западной Украины. «Начнем же сказати бесчисленные рати и великие труды и частые войны и многие крамолы и частые восстания и многие мятежи...» — в этом вступлении не только программа летописания, в нем и мировоззрение летописца, воспринимающего историю родной страны как нескончаемую цепь крамол и бедствий. В галицко-волинской летописи нет размаха и широкого замысла летописца «Повести временных лет», но в деталях, в языке и стиле, в непосредственном ощущении бедствий своей родины она достигает иногда значительной высоты. В мелких и, казалось бы, незначительных эпизодах летописец передает дух своего тревожного времени. В одной из погодных статей летописец рассказывает, как дети увидели «оже рать стоит за горою: пар идет из коней», и, прибежав в город, рассказали об этом. Послали с ними добрых людей проверить,

«и тако ехавше осмотреша, оже нетуть рати, но пара идяшеть со истоков, текущих из гор, зане мороз бяхуть велице».

В галицко-волинской летописи сложились традиции книжной цветистой поэтической речи с отголосками народной поэзии. Не чужда она некоторой идеализации своих героев. «Бе бо дера и храбор, от главы и до ногу его не бе на нем порока», — характеризует летописец молодого князя Даниила Романовича, первого врубившегося в ряды татар в битве при Калке¹. Жители Холма устремляются к своему князю: «И пустишеша яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жаждущи воды ко источнику». Красочно описывает летописец вооружение ратников: «Щит их яко заря бе, шелом же их яко солнцу восходящу». Довольно часты на страницах летописи пословицы: «Не погнетши (подавив) пчелы, меду не едать»; «Един камень много горньцев (горшков) избивает» и др. Отдельные черты стиля галицко-волинской летописи сближают ее со «Словом о полку Игореве».

В противоположность галицко-волинской летописи, летопись Великого-Новгорода лаконична, деловита, по-своему энергична, особенно в мастерски передаваемой ею прямой речи. Круг интересов новгородского летописца замкнут по большей части пределами его родного города. Он рассказывает о всякого рода городских происшествиях и распрях, описывает состояние хлебов и покосов сена, сообщает о дороговизне, об унесенных разливом Волхова дровах, о слышанном зимой «в истьбе сидяще» грома и т. д. Новгородская летопись интересуется тем, сколько стоил «воз репы», либо «кадка малая» жита, описывает выпавший «яблоков боле» град и т. д. Все это изложено летописцем довольно крепким и последовательным просторечием: то он рассказывает, как посадника Якуна раздели «яко мати родила» и скинули с великого моста, то сообщает, что тверичи, грома Торжок, одирали жен и девиц «до последней наготы», или как воевали, «и положиша всю Волгу пусту», новгородские молодцы. Краткостью, силой и выразительностью отличаются речи новгородской летописи. В 1224 году князь Юрий, требуя от Новгорода выдачи ряда своих недругов, угрожал: «Не выдадите ли, а я поил есмь коне Тьхверью, а еще Волховом напою». Энергичен ответ князя Ярослава новгородцам, глубоко вторгшимся в пределы Суздальской земли: «Мира не хотим, а мужи у меня; а далече есте шли и вышли есте акы рыбы на сухо». «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вѣржем», — говорили новгородцы князю Мстиславу.

Любопытны особенности сравнительно поздней псковской летописи, живое просторечие которой гармонирует с отдельными фольклорными мотивами, с точно разработанной военной терминологией, наличие которой связано с обилием военных тревог в жизни Пскова. Высокой художественной силы достигает псковская летопись в повести о взятии Пскова Василием Ивановичем в 1510 году, в сказаниях о Довмонте-Тимофее и др.

Псковские и новгородские летописи полны рас-

¹ Этот Даниил Романович, сражавшийся против татар вместе со всем русским войском, был кстати основателем г. Львова, названного им так в честь сына — Льва.

сказами о борьбе с немцами и шведами, в летописном изложении иногда переходящими в самостоятельные повести.

В беглом очерке невозможно хотя бы в нескольких словах охарактеризовать все разнообразие и многокрасочность русских летописей XII—XIV веков; скажем только, что каждая из них, будучи летописью областной, не переставала быть летописью русской. Честь родины остается живой, хотя и приглушенной силой в весь период областничества и феодальной раздробленности.

«Перед чужими языки (народами) дай нам бог честь свою взяти», — говорит Изяслав (1152). Мотив этот звучит и в гордом ответе татарам рязанского князя Юрия: «Коли нас не будет, то все ваше будет».

При всем том русская летопись всегда оставалась чуждой национальной ограниченности, умела «без гнева» и раздражения оценивать достоинства врагов, понимать их культуру и поэзию. Передавая слухи о татарах после первого их появления в 1224 году, летописец соглашается с тем мнением о них, которое гласило: «Ратници суть и добрая вои». С удивительной бережливостью галицко-волинская летопись донесла до нас половецкую легенду о степной траве «евшан-полыни», «отзывающую, по выражению А. Н. Веселовского, ароматом степи». В этой легенде с замечательной остротой и сочувствием понята тоска по родине половецкого хана Отрока, вспомнившего родные степи по запаху полыни. Ни уговоры ни половецкие песни не могли вначале заставить Отрока вернуться на родину из Абхазии, где он прижился, но когда «гудец», певший ему половецкие песни, протянул понюхать «евшан-полынь», Отрок заплакал и сказал: «Лучше лечь костями на своей земле, чем быть славну на чужой».

Довольно рано в областном летописании XIII—XIV веков замечаются тенденции к составлению общерусских сводов. Это стремление к объединению находило себе поддержку в общем им всем едином русском языке, лишь в малой степени отразившем диалектизмы местной речи. На широком пространстве русской равнины каждая из областных летописей была равно понятна повсюду. Новгородская летопись в Суздале, полоцкая в Чернигове, псковская во Владимире были везде летописями русскими. Летопись воспитывала в народе чувство единства. Через «Повесть временных лет», которой начинались обычно местные летописи, областное летописание входило в русло общерусских интересов. В летописи местной древнерусский читатель видел как бы продолжение рассказа «Повести» о распрях князей, крамолами разорявших Русскую землю.

Исключительная по высоте национального сознания, столетиями переписывавшаяся и дошедшая до нас в сотнях списков «Повесть временных лет» служила как бы политическим введением к областным летописям, была программой национального единения. Призывы «Повести» к борьбе со степью оставались живы в течение всего XIII и XIV веков и воспринимались современниками как призывы к борьбе с татарами. «Повесть временных лет» была хранительницей лучших национальных традиций русского народа и сама оказывала мощное воздействие на областное летописание.

Понимая огромную политическую и организую-

щую роль летописи, с первых же шагов своего собирания Русской земли владимирские, а потом московские великие князья стремятся заполучить летописание в свои руки. Составляются обширные общерусские своды, включающие в свой состав местные летописи. Борясь с областническими центробежными тенденциями, московские князья свозят в Москву местные летописи, обрабатывают и соединяют их в своих целях.

В начале XVI века в Москве составляются грандиозные летописные своды, задача которых — подготовить новую историческую концепцию о законности, преемства власти московского государя от его киевских предшественников. Многотомный, доселе еще почти неизученный Никоновский свод, снабженный богатейшими иллюстрациями, количество которых измерялось десятками тысяч, явился документом исключительного размаха. Он соединил в себе все наличие предшествующего летописания и не только соединил, но и объединил его одной редакцией в тщательном и сложном оформлении. В конце XVI века летописание гложет, в XVII веке оно прекращается вовсе.

На всем протяжении своей многовековой истории, — сперва единое, затем раздробленное и под конец снова единое, — русское летописание было огромной движущей прогрессивной силой, формировавшей национальное сознание русского народа, поднимавшее его дух, правдиво отражавшее его историю. Именно первые летописи с их высоким идейным уровнем были той литературной почвой, на которой возникло гениальное произведение русского народа «Слова о полку Игореве».

6

Высокий художественный уровень и живое чувство родины делают русскую летопись во многом созвучной нашей эпохе. И в наше время русская летопись не утрачивает своего интереса для широкого читателя. «Не мудрствуя лукаво», но будучи по существу мудрой и сильной своим высоким национальным и историческим сознанием, летопись сохранила нам многие героические страницы в истории нашей родины, гордиться которыми мы вправе и обязаны.

В 1939 г. исполняется 900 лет с момента начала русского летописания. Первый так называемый «Древнейший Киевский летописный свод», вошедший затем в состав «Повести временных лет», как это установлено крупнейшим исследователем русского летописания А. А. Шахматовым, был составлен в 1039 году, при Ярославе Мудром.

Уместно вспомнить при этом, что русская летопись почти неизвестна широкому советскому читателю. Виновата в этом ее почти полная недоступность: большинство старых изданий давно стало библиографической редкостью, к тому же часть летописей остается вовсе неизданной. В изучении летописи немало напутала так называемая «историческая школа Покровского», рассматривавшая ее как выразительницу идей и настроений исключительно господствующих классов.

Лучшим доводом за летопись является сама летопись. Она говорит за себя современному читателю так же красноречиво, как говорила когда-то воспитывавшимся на ней поколениям русских людей.